

Глава 39. Подготовка. Часть I

Чэнь Гэ с видом полнейшего разочарования в жизни тяжело вздохнул:

— Ну всё, приплыли... Мало нам мертвяков, так теперь еще и демонические твари?

Бэй Чэнь покосился на него с нескрываемым пренебрежением:

— Чему ты удивляешься? Раз в древности люди могли обращаться в зверей, то и звери, само собой, способны принимать человеческий облик. Эти золотопёрые огненные птицы — всего лишь малый народец. Когда-то они разводили золотых гусей, но однажды на их племя обрушился великий пожар. Огонь поглотил и людей, и птиц. Род их должен был пресечься, но когда пламя угасло, оказалось, что плоть людей и пернатых сплавилась воедино. Так появились эти существа — ни люди, ни звери, ни демоны. Ни в человеческом мире, ни среди яо им не было места. Лишь Бинцзу согласился принять их, и с тех пор они сражаются на нашей стороне.

— Но почему они вместе с иноземками в пурпурном? — оживился Чэнь Гэ. — Ты ведь видел ту женщину, узнал её?

Бэй Чэнь снова бросил на него странный взгляд:

— Каких еще иноземок? У них есть имя — великий род Цзянь из Цзюли, потомки самого Бинцзу.

— Кажется, у них одни женщины в роду, — заметил Чэнь Гэ.

— Говорят, Бинцзу и... кое-кто еще произвели на свет дочь, — Бэй Чэнь нахмурился, пытаясь вспомнить. — Забыл имя. В общем, после поражения при Чжулу они ушли в земли Мяоцзян. Золотопёрые птицы последовали за ними в те гиблые края — уж не знаю, чем они думали. А когда врата Куньлунь-тань закрылись, у оставшихся снаружи демонов не осталось пути назад.

Чэнь Гэ слушал затаив дыхание, замороженно кивая, и лишь под конец спохватился:

— Погоди, так ты ходил в разведку?

Бэй Чэнь, не удостоив его ответом, обратился к Ли Синланю:

— Часть врагов удерживает два перевала. Остальные разделятся на четыре отряда и двинутся на восток по двум линиям. Западная группа сосредоточит силы в округе Наньян, а восточная — обойдет Чжоуванчэн, встанет лагерем в Шандане и нацелится напрямиком на царство Хань.

Ли Синлань кивнул, обдумывая новости.

— Спасибо, брат Бэй Чэнь. Известны точные сроки?

— Я прокрался к заставе Ханьгу, — ответил волк. — Они всё еще там, и, похоже, особо не торопятся. Отношения между людьми Цзянь и циньскими солдатами — как кошка с собакой. Те шаманки сами воевать не умеют, только и полагаются на свои колдовские чары да заговоры. Они пока даже не могут договориться, кто какими отрядами командует, не говоря уже о выступлении в поход.

— С ними есть «лекарственные люди»? — уточнил Ли Синлань.

— Всего несколько сотен, — Бэй Чэнь зевнул. — Зато золотопёрых птиц больше тысячи, и почти половина из них уже тронута гнилью. Но, как по мне, эти твари не так уж страшны. Они гермафродиты, и потомство у них рождается на редкость тупым. Хоть и понимают человеческую речь, по сути — скот скотом. Лишь немногие способны превращаться в огромных зверей, увеличиваясь в десятки раз, и совсем уж единицы могут принимать человеческое обличье.

Чэнь Гэ сокрушенно покачал головой:

— Бедняги, эти Цзянь превратили их в рабов.

Бэй Чэнь фыркнул:

— Что ты понимаешь? Эти птицы по природе своей строптивы, их не заставишь служить силой. Они пошли за шаманками добровольно.

— И ради чего?

— У каждого свои причины, — отозвался Ли Синлань. — Нам их не понять, как и им — нас. Благодарю, брат Бэй Чэнь, что лично отправился на передовую. Твои сведения бесценны.

Бэй Чэнь ничего не ответил — лишь сладко зевнул и ушел к себе спать. Хань Тан тоже поднялся, откланялся и посоветовал Ли Синланю пораньше лечь в постель, напоминая, что тому нужно беречь силы.

Вскоре в беседке снова остались только Чэнь Гэ и Ли Синлань. Атмосфера как-то незаметно сменилась, и в воздухе повисла неловкая тишина.

Чэнь Гэ спрятал арбалет в сапог, поднял обрывки ткани и принялся неспешно обматывать длинный клинок. Тихий шорох материи раздавался в ночной тишине. Нащупав в кармане

губную гармошку, он вдруг коротко рассмеялся, вспомнив что-то своё. В лунном свете его кожа казалась бледной, а ровные зубы блеснули, словно жемчужины.

Он взглянул на Ли Синланя:

— Какая музыка тебе нравится?

Ли Синлань сидел, опустив голову. Взгляд его был устремлен в пустоту.

— Честно говоря, я почти не слушаю музыку.

Чэнь Гэ осекся, не зная, что на это ответить. Заметив его замешательство, Ли Синлань, словно не желая обижать друга, на мгновение задумался.

— Когда я был маленьким, — заговорил он негромко, — я слышал одну мелодию на губной гармошке. Она была чудесной, но я так и не узнал, как она называется.

Чэнь Гэ, вертя инструмент в руках, улыбнулся:

— Напой пару нот. Я много чего умею играть.

Ли Синлань откинулся на перила, расслабившись. Он тихо запел — голос звучал нежно, но с какой-то едва уловимой дистанцией, прохладный, как сам лунный свет. Мелодия была плавной, пронизанной легкой грустью. Он пел не слишком уверенно, порой сбиваясь с ритма, но Чэнь Гэ узнал песню с первых же звуков.

— О! — он воодушевленно сжал кулак. — Я знаю её! Старший брат первым делом научил меня именно этой песне, мы оба её обожали. Называется «Слёзы звезд»... или как-то так. Это из одной игры, кажется, шестая часть «Троп в небесах». Брат, правда, в игры не играл и сюжета не знал совсем.

— У песен бывает сюжет? — удивился Ли Синлань.

— Эх вы, вояки... — вздохнул Чэнь Гэ. — Неужели из увлечений у вас только выпивка да кроссы? Да, эта песня из игры. Она означает что-то вроде «пусть звезды укажут тебе путь». В ней поется о вечной тоске и памяти.

Ли Синлань лишь вопросительно приподнял бровь. Чэнь Гэ снова беспричинно рассмеялся — командир явно не попевал за ходом его мыслей.

— По названию на твое имя похоже, не находишь? — Чэнь Гэ перевел тему. — Ли Синлань...

«Синлань» — что это значит?

Ли Синлань, услышав, как тот пробует его имя на вкус, заметно смутился.

— Это значит... когда долгая ночь подходит к концу. Перед рассветом.

— Какое красивое имя. Твои родители обладали тонким вкусом.

Ли Синлань помедлил, прежде чем ответить:

— Я сирота. Это имя я выбрал себе сам.

Наступила неловкая тишина.

— Прости, — тихо сказал Чэнь Гэ.

— Ничего. После того как я встретил брата Цзяня, он всегда заботился обо мне. Я считаю его родным братом.

— Да, старший брат — тот еще любимец публики... — пробормотал Чэнь Гэ и тут же спохватился. — Ой, что-то я отвлекся. Давай я тебе сыграю. Гармошка маленькая, может немного фальшивить, но это не я плохой музыкант, честно!

Он поднес инструмент к губам и, не раздумывая, выдохнул первую ноту.

Тягучие, нежные звуки поплыли по саду, сливаясь в ласковый ручей. Мелодия извивалась и петляла, поднимаясь к ночному небу, вбирая в себя мерцание звезд и прохладу полной луны. Это была волшебная ночь. Мир вокруг замер, наполнившись лишь чистым голосом гармоник.

Казалось, на всем свете остались только они двое. Расстояние между ними то сокращалось, то увеличивалось, а лица в причудливой игре света и тени казались зыбкими, призрачными. Время словно растворилось, мир сжался до одной точки. Если бы нужно было описать это мгновение, то лучше всего подошло бы сравнение с картиной: в тот миг реальность превратилась в полотно, которое в их памяти никогда не поблекнет — что бы ни случилось в будущем, будь то болезни, горести или сама смерть.

Музыка стихла, но Чэнь Гэ еще долго не мог прийти в себя.

Ли Синлань негромко похвалил игру, а затем, словно вспомнив что-то важное, спросил:

— Ты знаешь историю о циньском ване и наследном принце Дане?

Чэнь Гэ покачал головой:

— Слышал только про покушение Цзин Кэ, ну, «ветер свищет, холодны воды реки И»... Но между ними явно что-то было, иначе принц Дань не стал бы так упрямо лезть на рожон и пытаться устроить ту невозможную резню.

Ли Синлань невольно улыбнулся.

— Ин Чжэн родился в царстве Чжао и с самого появления на свет был заложником. Вероятно, там он и рос вместе с Янь Данем, который тоже был в плену. Дед Ин Чжэна, ван Сяовэнь, процарствовал всего три дня и умер. Люй Бувэй сделал ставку на его отца — «редкий товар, стоит приберечь» — и помог им вернуться в Цинь. Спустя годы Ин Чжэн стал ваном, а Янь Даня снова отправили в Цинь заложником. Но почему-то принц во что бы то ни стало хотел уехать. В конце концов, в двести тридцать втором году до нашей эры он сбежал в Янь.

— Так это же в следующем году, — заметил Чэнь Гэ.

— Возможно, история пошла иначе, кто знает? — Ли Синлань задумчиво продолжал. — Самое интересное в том, что когда Янь Дань просил отпустить его домой, Ин Чжэн отказал. И сказал он ему одну вещь...

— Звучит как-то... двусмысленно, — Чэнь Гэ не сдержал зевок. Он смертельно хотел спать, но история была слишком интересной, чтобы уснуть, не дослушав. — И что же он сказал?

Ли Синлань поднялся и слегка коснулся плеча друга, давая понять, что пора отдыхать. Они вместе вышли из галереи. Ли Синлань, будучи почти на двадцать сантиметров выше Чэнь Гэ, привычным жестом отвел свисающую ветку цветущей хайтан, чтобы та не задела парня.

— Он сказал так: «Когда солнце вернется в зенит в полночь, когда с небес прольется дождь из зерна, когда головы воронов станут белыми, а у коней вырастут рога, когда у деревянных слонов на кухонных дверях вырастут живые ноги — вот тогда ты сможешь вернуться».

Чэнь Гэ, в полузабытьи дойдя до своей двери, пробормотал «спокойной ночи» и добавил себе под нос:

— Разве это не значит «быть вместе целую вечность»?

Ли Синлань промолчал и бесшумно скрылся в темноте.

Чэнь Гэ рассеянно глянул в окно — в комнате Ли Синланиа снова затеплился огонек свечи. Он хотел было подождать, пока тот ляжет, но сытость и усталость взяли свое. В воздухе плыли нежно-голубые огоньки, и этот мягкий свет мгновенно утянул его в объятия сладких снов.

Ему снился старший брат. Цзянь Юньлан стоял перед ним, тяжело вздыхая, гладил его по волосам и долго что-то шептал, но слов было не разобрать. В конце концов он поцеловал Чэнь Гэ в лоб, крепко обнял и внезапно растворился в пустоте.

На следующее утро Чэнь Гэ проснулся ни свет ни заря. Полный решимости, он вышел во дворик попрактиковаться с клинком.

Хань Тан пришел еще раньше. Он попросил Чэнь Гэ обучить его приемам боя и засыпал вопросами о мертвяках.

— Эти зомби... это что-то вроде вируса-паразита, — объяснял Чэнь Гэ, вытирая лезвие клинка. Он стал серьезен. — Вирус берет под контроль гипоталамус — это крошечный участок прямо в центре мозга, который отвечает за движения. Но вирус не может полностью подчинить себе всё тело, поэтому зараженные постепенно теряют жизненную силу и медленно гниют. Ученые говорят, что организм носителя инстинктивно борется с заразой, между ними идет постоянная война. Может, есть и другие причины.

Хань Тан слушал, нахмурившись от напряжения.

— Но почему они едят людей? Разве они не... паразиты? Разве они не мертвы?

Чэнь Гэ задумался.

— На самом деле, после заражения человек не умирает мгновенно. Просто гипоталамус захвачен, сознание стерто, а тело теряет активность. Чтобы зомби мог двигаться, а вирус — выживать и распространяться, им нужно поддерживать жизнь в носителе, получать энергию.

— Звучит логично, — признал Хань Тан, — но я всё равно мало что смыслю в ваших терминах.

— Эх, плохо я учился, не могу толком объяснить... — вздохнул Чэнь Гэ. — Представь так: их мозг сожрали черви. Они стали полуживыми, медленно разлагаются, пока не рассыплются в прах. Но пока тело живо, оно хочет есть. А так как пищеварение у них ни к черту, им нужно всё больше питания, нужно постоянно жрать. Закон сохранения энергии в чистом виде.

Хань Тан выглядел совершенно сбитым с толку, и Чэнь Гэ принялся объяснять на пальцах, используя самые простые сравнения. К счастью, воображения ему было не занимать, и вскоре Хань Тан худо-бедно уяснил природу врага.

— Теперь, когда ты понимаешь, как они устроены, — продолжал Чэнь Гэ, — ты должен знать их самое уязвимое место.

— Этот... ги-по-та-ла-мус? — неуверенно произнес Хань Тан.

Чэнь Гэ ободряюще кивнул:

— Именно. Чтобы наверняка прикончить мертвяка, нужно разрушить этот центр. В наших условиях самый быстрый способ — всадить стрелу точно между глаз.

— А перерезать горло? Отсечь голову? Не подействует?

— Отсечь голову или размозжить её — тоже вариант, но это опасно. Совсем забыл сказать: этот вирус — как невидимые глазу букашки, они передаются через кровь и всякую гадость из их тел. Если ты полезешь в ближний бой, а у тебя самого будет хоть царапина — пиши пропало. Зомби ведь все в липкой слизи и крови, риск заразиться зашкаливает.

Хань Тан помрачнел:

— Если заразился — лучше сразу покончить с собой?

— Можно и так, но это не всегда просто. Никто не знает точно, через сколько вирус возьмет верх. Кого-то «накрывает» мгновенно, у кого-то инкубационный период длится несколько дней — я уже не помню рекорд. Но я и сам когда-то был заражен. Кажется... прошло дня три или четыре? Плохо помню те дни, мне тогда вкалывали всякую дрянь.

Хань Тан изумленно воззрился на него:

— Ты был заражен, но стоишь передо мной живой... Значит, надежда есть?

Чэнь Гэ лишь беспомощно развел руками:

— Обычно любое касание — это стопроцентная смерть. Я — исключение. Кое-что произошло потом, и я... вернулся.

Хань Тан на редкость искренне поблагодарил его. Чэнь Гэ страшно засмутился и вывалил на него всё, что когда-то под строгим надзором Цзянь Юньлана заучивал наизусть: выжимки из «Ста советов по борьбе с мертвецами», «Сборник типичных ошибок в бою» и «Сто вопросов и ответов Цзянь Юньлана». Параллельно они перешли к практике.

К концу тренировки у Хань Таня голова шла кругом, а ноги заплетались. Бэй Чэнь, которого они разбудили своими криками, выскочил из комнаты в ярости и тут же ввязался в шутивную потасовку с Чэнь Гэ.

Хань Тан с выражением крайнего смятения на лице решил больше не мешать их играм и отправился искать Ли Синланя.

С этого дня Ли Синлань и Хань Тан с головой ушли в изнурительную работу по набору и распределению ополченцев.

Местом сбора назначили лагерь в западной части города, где раньше стояли люди Чжан Юаньцзю. Всего за два дня здесь навели порядок.

Ранним утром Фу Шаоюань вместе с учениками своей школы боевых искусств установил у ворот лагеря длинные столы под навесами из промасленной ткани и расстелил циновки. Закончив с приготовлениями, он оставил при себе лишь старших учеников, а остальных сорванцов отправил бегать по улицам и переулкам, созывая народ грохотом гонгов и барабанов.

Горожане, снедаемые любопытством, повалили к лагерю, заполнив всё пространство вокруг.

Вскоре Хань Тан повесил у моста, на специальном камне для указов, деревянную дощечку с личной печатью господина Бяньяна и поспешил к Ли Синланю на место сбора.

Фу Шаоюань едва не ползком пробирался сквозь толпу, чтобы встретить их. Будучи мужчиной крепким и статным, с окладистой бородой, он изо всех сил старался не растолкать простых людей и одновременно защитить свою бороду от чьих-то цепких рук. Вспотевший и взмыленный, он вздохнул с невероятным облегчением, завидев командиров.

<http://bllate.org/book/17509/1662983>